

Рецензии и аннотации

Архивы русских византистов
в Санкт-Петербурге /Под ред.
И. П. Медведева. СПб., 1995, 462 с.

Петербургская школа византиноведения конца XIX — начала XX в. представляла собой одно из ярчайших явлений в истории отечественной науки по концентрации талантов, идей, находок, по мере подвижничества и по драматичности судеб. В основе издания книги «Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге» лежит долг перед учителями, восхищенное преклонение и покаяние.

Подобное издание задумывалось еще лет тридцать назад по инициативе Евгении Эдуардовны Гранстрем, но суждено ему было состояться лишь сейчас, в чем, быть может, усматривается перст судьбы: и времена нынче более благоприятны для того, чтобы посмотреть назад, и архивы стали более доступными, и дистанция в сто лет со времени издания первого тома научного сборника трудов византистов придает взгляду в прошлое большую пристальность. Изданный том «Архивов...» посвящен памяти Е. Э. Гранстрем.

Блестящая плеяда византистов второй половины XI — начала XX столетия представлена в издании именами еп. Порфирия Успенского, отца и сына Дестунисов, В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, Н. П. Кондакова, А. А. Дмитриевского, В. Э. Регеля, Н. П. Лихачева, Х. М. Лопарева, Г. Ф. Церетели, Д. В. Айналова, А. А. Васильева, В. Н. Бенешевича, а также многих из тех, кто был причастен к работе Русского археологического института в Константинополе, «Византийского временника» и Палестинского общества.

Издание разделено структурно на две части. Первая из них названа «Обзоры», вторая представлена публикациями. Отдельные публикации сопровождают и очерки первой

части книги (с. 20–21; 178–180; 225; 336–338; 378–381).

Участники издания «Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге» досконально обследовали архивные фонды Санкт-Петербургского филиала архива РАН, Российского государственного Исторического архива, Российской Национальной библиотеки, Пушкинского Дома, Архива Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, Архива внешней политики Российской империи и др. Систематизация и в некоторой степени анализ стали основой книги.

Первая часть книги (с. 8–388) представлена серией очерков, разнохарактерных по своей композиции и идее. Здесь и портреты ученых, и классификация архивных материалов, и судьбы архивов. Отдельные очерки посвящены «юбиляру», столетию которого и инициировало создание книги, — Русскому археологическому институту в Константинополе, а также Императорскому Палестинскому обществу.

Стиль книги, вернее, ее «многостильность», определялись не только различием избранных объектов исследования, но и индивидуальностью авторских «почерков». В создании труда принял участие большой коллектив, представленный учеными разных поколений и разных пристрастий в сфере гуманитарной науки и практики (А. Н. Анфертьева, о Михаиле Арранц, Е. Ю. Басаргина, О. А. Белоброва, Л. А. Герд, А. Г. Грушевой, Л. Н. Заливалова, Л. Г. Климанов, И. В. Куклина, И. П. Медведев, Т. Н. Таценко, И. В. Тункина, И. Ф. Фихман, А. Э. Шукурова). Смещение стилей и жанров, несколько мешающее цельности восприятия, свидетельствует, однако, о том, что изданием книги сделана заявка на серию специальных исследований.

Огромна работа, проведенная издателем по классификации архивов, в том числе и

по обработке уже вводившихся в научный оборот архивных материалов. Определенной сенсацией явилась публикация ранее неизвестного каталога греческих рукописей Вазелонского монастыря, составленного А. И. Пападопуло-Керамевсом в 1909 г. (с. 434–445). Ценность обнаруженного И. П. Медведевым в бумагах В. Э. Регеля каталога определяется во многом и тем, что личный архив А. И. Пападопуло-Керамевса (вместе с частью архива Иерусалимского патриархата) был сожжен вдовой ученого в 20-е гг. По информации В. Н. Бенешевича, описание «греческих рукописей в ряде монастырей Малой Азии и Македонии передано в Виз. Вр. ...» (с. 432), однако, не будучи своевременно напечатанным, это описание осталось в портфеле сборника. В каталоге А. И. Пападопуло-Керамевса описаны 40 рукописей X–XIX вв. (12 из них относятся к X–XV вв.). Они содержат списки сочинений Александра Маврокордата, Василия Кесарийского, Георгия Схолярия, Дамаскина Студита, Евсевия Памфила, Ефрема Сирина, Феофана Элевулка, Иоанна Дамаскина, Иоанна Христора, иеромонаха Митрофана (Лаврентия Афонского), Макария Египетского, Мануила Малаккоса, Максима Пелопоннесца, Максима Плануда, Матфея Властариса, Прокопия, Севаста Киминитиса, Сильвестра Сиропула, Софокла, Фокилида, Хрисолора. Каталог А. И. Пападопуло-Керамевса, по справедливому замечанию публикатора, мог бы помочь при реконструкции коллекции монастыря и возможных ее поисках.

Заслуживающей внимания публикацией являются письма К. Э. Цахариз фон Лингенталю из архива А. А. Куника (подготовлены к изданию И. П. Медведевым и Т. Н. Таценко). Эти письма — результат длительного (сорокалетнего!) общения двух немецких ученых, один из которых постоянно жил в Петербурге. Правда, время сохранило письма только одного из корреспондентов; судьба же ответных писем неизвестна. Почти все письма К. Э. Цахариз фон Лингенталю (их 41) были отправлены из фамильного имения Гросскмелен в Пруссии, где известный ученый прожил основную часть своей жизни. Письма Цахариз фон Лингенталю с их мелкой «готикой» трудны для чтения, что делает их публикацию особенно важной. В переписке поднимались отдельные частные вопросы византийского права и другие проблемы византиноведения, в частности, обсуждались способы издания византийских документов. Любопытными являются на-

блюдения издателей писем по поводу стремления немецкого ученого умышленно «угодить» русскому национальному чувству в связи с особым признанием его научных заслуг в России (с. 398–399).

Помимо названных публикаций, в «Архивах...» изданы два письма известного немецкого ученого В. Гардтхаузена к еп. Порфирию Успенскому из Лейпцига от 1876 г., письма к В. Э. Регелю от Пауля Марка из Мюнхена от 1911 г., от Хр. Лопарева от 1900 г., выдержка из письма Э. Курца из Риги от 1911 г., а также письма А. А. Васильева Ф. И. Успенскому (1915) и И. Ю. Крачковскому (1931). Кроме того, в книге опубликованы текст извещения В. Э. Регеля об избрании его действительным членом Афинского Византийского общества (1909) и два документа из архива В. Н. Бенешевича.

В разделе «Обзоры» некую объединяющую, координирующую роль имеют очерки о Русском археологическом институте в Константинополе (Е. Ю. Басаргина) и Императорском Палестинском обществе (А. Г. Грушевой). Насыщенная и полная драматизма история Русского археологического института, отраженная в архивных материалах, является свидетельством подвижничества и соединенных усилий многих из русских византинистов на протяжении двадцати лет существования института (1894–1914), бывшего единственным русским гуманитарным учреждением за пределами России. Константинопольский институт был своего рода представительством русской культуры за рубежом и одновременно пристанищем для тех русских (и зарубежных) ученых, кто испытывал потребность работать с византийскими памятниками непосредственно в пределах бывшей империи. Директор Русского археологического института Ф. И. Успенский гордился, что «литература по всем вопросам, которые могли возникать в связи с памятниками средневекового Востока, в Институте имела полностью...» (с. 82–83). Музей РАИК имел богатейшую коллекцию моливдовулов, монет, рукописей, предметов византийского (равно, как античного, славянского и восточного) искусства. В этом отношении Институт достойно осуществлял политику собирательства, которое рассматривали как свой долг и многие русские византинисты, покупавшие и выменивавшие во время своих научных путешествий бесценные памятники старины. Риторический вопрос Ф. И. Успенского по этому

поводу недвусмысленно определяет позицию Института: «Кто же не скажет, что прямой задачей русского Института было бы овладеть теми течениями, по которым направляются христианские древности, и не позволить им влиться в заграничные моря, и что этим он исполнил бы свою научную и политическую роль на Востоке?» (с. 83). Ныне существующими коллекциями Россия обязана подвижничеству русских византинистов конца XIX — начала XX в. РАИК выполнил задачу, определенную Ф. И. Успенским в его беседе 26 декабря 1897 г. с императором Николаем II, — «стать орудием культурного влияния России на Востоке, между славянами и греками» (с. 81). Русские византилисты сознавали, что византиноведение способствует формированию русского национального самосознания, что после российской истории, по словам Ф. И. Успенского, для каждого русского важна византийская история (с. 5). К сожалению, эта задача не осознана нынешней эпохой: об этом свидетельствуют как положение византистики среди других наук, так и направленность школьного и университетского образования. Может быть, в память о великих учителях это должно стать одной из серьезных задач современного русского византиноведения?

Трагическая судьба Русского археологического института в Константинополе — быть ликвидированным за одни сутки 16 октября 1914 г. — олицетворяет в какой-то степени судьбу русской византистики, многое потерявшей в бурях начала нашего века.

Палестинское общество, основанное в 1882 г. для содействия православным паломникам, выполняло, как и Русский археологический институт, роль форпоста русского научного и культурного влияния (главным образом в Иерусалиме). Судьба архивных материалов и библиотеки Общества сложилась много спокойнее, чем у РАИК. Архивы отражают участие в работе Палестинского общества таких крупных ученых, как А. А. Дмитриевский, Ф. И. Успенский, И. Ю. Крачковский, В. Н. Бенешевич, В. В. Латышев. Обществу удалось пережить потрясения, войны и революции. В 20-е годы на заседаниях Совета и общих собраниях Общества было заслушано 30 докладов. Однако архивные материалы 30-х годов ярко демонстрируют, что значат финансы в судьбе научной организации: происходило медленное «удушение» Общества (с. 144–151).

Размышления о значимости Русского археологического института в Константинополе и Императорского Палестинского общества приводят к мысли о еще одной прервавшейся традиции, память о которой делает естественной необходимость восстановления научных резиденций в Константинополе и Иерусалиме.

Приходится сожалеть, что в таком издании, как «Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге», отсутствует очерк о деятельности «Византийского временника», 100-летний юбилей которого был главным событием русской византистики последнего времени. Будучи «разбросанным» в очерках о деятельности В. Г. Васильевского, В. Э. Регеля, Ф. И. Успенского, он оказался заслоненным масштабом личности ученых.

Наряду с характеристикой состояния и содержания архивов, публикациями некоторых хранящихся в них документов, успех изданию принесли портретные очерки, воссоздающие атмосферу научной византиноведческой среды второй половины XIX — начала XX в. с ее нормами общения, жизненным ритмом, планами, страстями. При всей несхожести характеров, темпераментов, манер, склонностей ученых, создававших славу русского византиноведения, у них было немало общего. Прежде всего, это максимальная научная самоотдача, которую иначе, как подвижничество, не назовешь. Многие из них были провинциалами, прошли столичные университеты под благодатным покровительством своих учителей. «Ученая дружба» учителей и учеников скорее напоминает атмосферу византийской интеллектуальной среды, чем современные методы университетских «потоков». Большинство византинистов старой школы изучали греческие рукописи библиотек Парижа, Рима, Венеции, Флоренции, Неаполя, Афин, совершали путешествия по Греции и посещали христианские памятники Востока. Такого рода научные командировки считались нормой для специалистов подобного профиля. Современный же византилист, знающий византийские памятники в большинстве случаев лишь по книгам и отечественным музейным коллекциям, вряд ли сможет омыть свои руки в вечных водах Босфора.

Обращаясь к запечатленным в книге портретам византинистов старой школы, замечаешь, как много значат для придания им жизненной полнокровности различные мелочи, детали, упоминания о слабостях, недостатках,

болезнях. Разумеется, этой выпуклости образа ученого способствует прежде всего эпистолярный, самый «живой» из всех источников, *материал (когда он есть!)*. Шесть писем иеромонаха Мелетия, писанные из Карейской кельи Дионисия Фурнографита (с. 10–11), так много говорят о Порфирии Успенском, страстном коллекционере, шедшем на любые способы приобретения рукописи, вплоть до прямого хищения («...у нас она будет сохранена»). Ксенофобия и русский патриотизм Г. Ф. Цетрели в свое время, вероятно, задевали тех, против кого они были направлены, но ныне это лишь дополняет, индивидуализирует портрет ученого. Как бы проиграл образ Д. В. Айналова без повторенного его учителем Н. П. Кондаковым в отчете и письме штриха: чтобы срисовать мозаики одной из римских церквей, Айналов сидел «на узком карнизе над колонадой громадного храма».

Несомненно, надо продолжить работу по созданию портретов русских византистов старой школы. Но хотелось бы, чтобы они не «разошлись» по разным изданиям в виде отдельных статей: нужна галерея портретов, которая объединила бы мир интеллигенции этого круга. Одновременно с этим книгой сделана большая заявка на публикацию архивов русских византистов в Санкт-Петербурге.

Закрыв книгу, вспоминаешь слова А. А. Васильева, произнесенные им над могилой В. Г. Васильевского на кладбище Allori под Флоренцией: «Я знаю, что мог бы сделать в своей области в сто раз больше, чем сделал...». Аннотируемая книга имеет не только научную и информационную ценность, но и обладает огромной моральной радиацией.

М. А. Поляковская

J. Simón Palmer. El monacato oriental en el «Pratum Spirituale» de Juan Mosco. Madrid: Fundación Universitaria Española, 1993, 502 p.

Монография Х. Симона Палмера — отнюдь не очередной сугубо филологический или источниковедческий разбор некоторых сторон знаменитого «Лу́га духовного», или «Лимонаря», хотя у ее автора часто возникает

необходимость анализа, например, определенных видов словесно-предметной иносказательности Мосха (в частности, когда речь идет о демонологии или ареталогии в его новеллах: с. 357 и след.), решения ряда вопросов лингвистического порядка (главным образом терминологических; см., например, с. 437–438) или проблем рукописной традиции памятника (тем более, что в монографии максимально используются несколько редакций его текста). Интерес исследователя прикован прежде всего к тем компонентам предметной изобразительности «Pratum Spirituale», которые отражают конкретно-историческую систему бытия героев Мосха (преимущественно церковно-монастырскую), — вплоть до собственно «вещного мира», включающего в себя предметы быта.

Сразу скажу — данная система охвачена в монографии далеко не полностью (например, в ней довольно ограниченно подан «социальный блок» информации «Лу́га», о чем подробнее ниже). Прекрасно сознавая это и отметив, что содержащиеся у Мосха исторические, социологические, конфессиональные и лингвистические данные позволяют внести большой вклад в понимание византийской цивилизации второй половины VI — начала VII в., Симон Палмер в то же время четко определяет основную тематику своих изысканий. В соответствии с ней строится и композиция книги.

Для метода испанского исследователя характерно стремление к предельно четкой и дробной систематизации выявленных в источнике реалий. Во многом благодаря этому органическое единство присуще как взаимосвязи основных глав монографии (как раз таким реалиям и посвященным), так и внутренней их структуре. За главами, где исследуются зафиксированные в «Лу́ге» составляющие церковной организации VI–VII вв. (причем не только в их иерархическом, но и географическом ракурсе), следует систематизация и описание фактов, относящихся к монашеству, — география обителей, просопография (сопрягаемая с той же географической сеткой), типология отшельничества (с. 153–256). Отсюда логично вытекает разбор сведений Мосха о монастырской организации и духовной жизни монашества, включающей в себя систему ценности и практики аскетизма, культ, таинства и литургию и, наконец, характер обращения текста «Лу́га» к Библии (с. 259–354).